

УДК 130.3:316.73:316.752

Культурная детерминация одиночества

Лященко Максим Николаевич

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии науки и социологии,
Оренбургский государственный университет,
460000, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 33;
e-mail: megamax82@rambler.ru

Аннотация

Актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы определяется недостаточной полнотой разработанностью культурной детерминации феномена одиночества с социально-философских позиций. Цель исследования состоит в определении понятия «культура» и всестороннем анализе специфики ее влияния на проявления одиночества в обществе. Данное исследование основывается на предложенной авторской типологии одиночества (полного и неполного) и синтетическом подходе, органически совмещающем в себе аксиологическую, диалектическую и синергетическую парадигмы. В заключение автор приходит к следующим выводам: культурные детерминации одиночества взаимосвязаны и дополняются его социальной детерминацией; само развитие культуры детерминирует одиночество, а культурные процессы (культурные кризисы, разрывы в культурной трансмиссии, культурная диффузия и аккультурация, конфликты поколений, а также культурная интервенция) обуславливают частоту и масштабы проявления одиночества в обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Лященко М.Н. Культурная детерминация одиночества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 87-95.

Ключевые слова

Одиночество, культурная детерминация, культура, ценностно-смысловое пространство, культурная динамика и культурный консерватизм.

Введение

Ключевым моментом при анализе одиночества является изучение его социокультурной детерминации. Это связано с тем, что процесс онтогенеза самого человека в его духовно-

личностной ипостаси (целостности) проходит в социокультурных условиях, которые детерминируют возможный спектр как способов существования и жизнедеятельности человека в его духовно-личностной ипостаси, так и способов существования, выражающих разрушение духовно-личностной целостности человека, получающих свою актуализацию под влиянием социокультурных механизмов. Безусловно, этот процесс является одним из составляющих сложного целого – процесса культуросоциогенеза. Так и одиночество является одним из способов существования, в котором происходит разрушение духовно-личностной целостности человека. Поэтому его невозможно рассматривать вне развития общества и культуры.

Развитие культуры как основание проявления одиночества

Культура – это не только продукт человеческой духовно-интеллектуальной и материально-практической деятельности по освоению действительности, но и «способ раскрытия действительности, придания миру человеческого смысла, придания ему ценности» [Барышков, 2005, 56]. Таким образом, культура представляет собой ценностно-смысловое и нормативно-нравственное пространство, формирующееся под влиянием объективно сложившихся условий развития общественной системы, которая закрепляет в ценностно-смысловой, нормативно-познавательной и материально-практической форме содержание сложившихся общественных отношений между людьми.

Безусловно, человек в духовно-личностной ипостаси (целостности) является социокультурным «микроорганизмом», «взращенным» в определенном социально-культурном макром мире, который обуславливает систему отношений и ценностей, детерминирующих формы и способы как его самореализации, так и разрушения. Другими словами, мы основываемся на мнении, что от самого социально-экономического уклада общества, условий его функционирования и сложившейся в нем системы ценностей зависят формы и способы реализации и актуализации личностно-духовного начала в человеке, в частности одиночество и одинокий тип человека. Это разводит нас с экзистенциальной метафизикой, особенно с философской концепцией Сартра, утверждающей, что в процессе своего развития человек метафизически свободен и сам определяет формы своей реализации и способы своего существования [Сартр, 1989]. С точки зрения ученого, человек в силу своей свободы априори одинок, ему не приходится выбирать свое одиночество, оно находит его само. Но это противоречит свободной воле человека, выбирающего неволю (одиночество), и тому, что человек не может быть абсолютно не зависим от социума, преобладающей в нем культуры и ее основных сегментов – ценностей, норм, традиций.

Также следует обратить внимание, что человек как духовно-личностная целостность представляет собой саморазвивающуюся и саморегулирующуюся систему с соответствующим набором характеристик, формирующуюся в социально-культурной действительности. Таким образом, человек является производным общества и культуры. Однако это не значит,

что мы придерживаемся позиции жесткой социокультурной детерминации в целом, но данный контекст приближает нас к подобным представлениям, особенно во время переживания опыта абсолютного одиночества, в котором усиливается давление социокультурной среды на личность и возрастает зависимость второй от первой.

Таким образом, сложившаяся познавательная ситуация требует прояснения. С одной стороны, если бы мы говорили об абсолютной автономности и абсолютной односторонней детерминированности одиночества только со стороны антропологического фактора, то картина выглядела бы следующим образом: человек мог бы свободно выбирать одиночество, когда пожелает, и по своей воле выходить из него. Другими словами, если бы механизмы входа в это состояние и выхода из него зависели полностью только от человека, то сама проблема одиночества не ставилась бы и снялась сама собой. Но в действительности дело обстоит иначе: одиночество оборачивается для человека настоящей проблемой.

Далее отметим, что применительно к проблеме культурной детерминации одиночества актуально, на наш взгляд, сформировать следующие представления о культуре и процессах, детерминирующих одиночество.

Культура как ценностно-смысловое и нормативно-нравственное пространство обусловлено нелинейными, стохастическими процессами, происходящими в обществе. Культура не выступает только в пассивной форме по отношению к обществу. «Культура и общество функционируют по принципу обратных связей, то тормозя, то ускоряя друг друга» [Мухамеджанова, 2005, 63]. Перестройки, колебания и сдвиги в общественной системе, вызванные хаотизацией, приводят к трансформации культурного пространства и изменению его ценностно-смыслового и нормативно-нравственного содержания. С другой стороны, может наблюдаться и противоположный процесс, когда изменения структурных связей культуры приводят к переустройству общества, но они все же, надо признать, смогут адаптироваться к новым реалиям, если только будут отвечать необходимым потребностям и возможностям самой общественной системы. «Абсолютно невозможно содержательно представить основополагающие свойства культуры и объяснить ее многообразие без понимания основополагающей роли человеческих потребностей в контексте их связи с деятельностным способом бытия» [Петров, 2011, 196]. В этом плане, на наш взгляд, превалирует общественная система над культурой, но при этом не исключается наличие между ними обратных связей, когда культура является важным фактором, но не решающим.

Так или иначе, в культуре образуется духовное «ядро» (духовный центр), но не метафизически единый для всех культур и народов, как полагал К. Ясперс [Ясперс, 1994], а, наоборот, самобытный, свойственный конкретной культуре и определяющий ее границы. Это духовное «ядро» выражает собой базовые и основополагающие ценности и смыслы, которые становятся основанием выстраивания культурного мира, ценностно-смыслового пространства, культурной картины мира, культурных традиций и норм. В таком «ядре» аккумулируются ставшие традиционными ценности и смыслы. Все эти компоненты очерчива-

ют границы своей культурной общности, носители которой идентифицируются как «свои», заключая себя в понятие «мы». Всех остальных относят к «чужим», то есть людям, чуждым по духу и являющимся носителями не просто других ценностей, а именно чуждых ценностей, которые ассоциируют с хаосом и деструкцией, представляющими угрозу устоявшимся ценностям и традициям своего социокультурного мира.

С одной стороны, это приводит к ценностно-пространственному разделению людей на «своих» и «чужих» и отчуждению последних, с другой – к строгому очерчиванию границ своего ценностно-смыслового пространства, что обеспечивает интеграцию и концентрацию «своих», их идентификацию, сопричастность единому духовному центру и включение в подлинные коммуникативные связи. Из этих границ ценностно-нормативного пространства автоматически должно выпадать все «чужое-чуждое». Таким образом, «мы», в отличие от «чужих-чуждых», принадлежим к своей самобытной духовной культуре и входим в ее ценностно-смысловое пространство, которое для остальных выступает в закрытых формах. В таком случае фиксируется культурный конфликт между «своим» (традиционными ценностями) и инновациями (новыми ценностями или их комбинациями), обуславливающий отчуждающие и одинокие формы существования. Этот конфликт может быть порожден не только извне – противоположными культурными формами, но и столкновением между зарождающимися инновациями внутри самой культуры с ее традиционными компонентами.

Исход культурного конфликта, который заканчивается победой одной из сторон, приводит к одиночеству, в основании своем имеющему ценностные различия, если, конечно, он не получит свое «снятие» в культурном синтезе или симбиозе. Так, например, в Древней Греции полис образовывал закрытое духовно-культурное пространство с устоявшимися веками ценностями и традициями, и тех, кто пытался внести не соответствующие этим духовным традициям полиса идеи, ценности и смыслы, изгоняли или даже, как Сократа, казнили. В Библии и Коране тоже имеются примеры изгнания людей из общины за совершенные грехи, т.е. за ценностно-культурное несоответствие. И наказанием было скитание среди чужих, что автоматически оборачивалось одиночеством. К этому следует добавить, что культурный конфликт, приводя к разделению на «своих» и «чужих», включает более жесткий по своей природе механизм культурного отчуждения, приводящего к одиночеству. Человек, становясь «чужим» среди «своих», автоматически выпадает из ценностно-культурного пространства и изгоняется.

Таким образом, культура как самоорганизующее и относительно саморегулирующееся ценностно-смысловое пространство внутри себя проводит селекцию культурных объектов на основе ценностно-смыслового ценза. «Ценность служит принципом отбора компонентов» [Мазенкова, 2009, 13] культуры. Вследствии этого из ценностно-смыслового пространства культуры исключаются культурные объекты (идеи, представления, ценности, нормы и др.), подвергнутые отторжению сформированным в доминирующей культуре «духовным центром» – аккумулятором и хранителем традиционных ценностей

и норм. Такая же ситуация происходит и с их носителями, которые не могут найти себе место в социальной общности или группе, их ценностный мир перестает включаться в единые рамки культурной целостности. Это связано с тем, что духовное «ядро» культуры обладает большим консерватизмом и в течение длительного периода времени сохраняет свою «духовно-ценностную целостность» в неприкосновенности и неизменности, что является основой и критерием отбора ценностно-смысловых объектов культуры, в свою очередь, позволяющих разграничить на «свое» и «чужое-чуждое», тем самым обуславливая одиночество.

Уместно отметить, что усиление консервативных тенденций в культурной сфере и повышение уровня саморегуляции закономерно только в периоды синхронизации процессов в социальной и культурной сферах. Это приводит к запуску отчуждающих культурных механизмов, которые полностью отрицают иные ценности и нормы, не допуская их в границы ценностно-смыслового пространства либо исключая их из него при отборе.

Это же «духовное ядро», аккумулирующее и концентрирующее базовые ценности, и смыслы культуры, оказывает существенное влияние на отчуждение индивидов в процессах перестраивания всей общественной системы, следствием которого является обновление культурной сферы общества. Изменение общественной структуры, сопряженные с ним социально-культурные нововведения и следующие за этим изменения в различных сферах общества вступают в противоречие с «духовным ядром» традиционной культуры, заряженным консервативными импульсами, порождая культурные конфликты между традиционными ценностями и нормами и новой, претендующей стать доминирующей, ценностно-нормативной системой. В такие моменты кто-то может адаптироваться к новым социально-культурным условиям и перестроить свое ценностно-нравственное сознание, а кто-то нет, оставаясь существовать в старой системе. Вторая группа людей, как правило, чувствуют себя одинокими, переводясь в разряд «изгоев», не находят себя и свое место в новых социально-культурных реалиях. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в них глубоко укоренилась ценностно-нормативная программа прежней социально-культурной системы, с которой они стали одним целым.

Процесс обновления культуры является сложным, длительным и болезненным процессом, связанным с усилением отчуждающихся культурных механизмов, так как в таких ситуациях многие люди ценностно и нормативно дезориентированы, утрачивают способность к культурной идентификации, теряют чувство принадлежности к целому, что в конечном итоге может привести к полной духовной дезорганизации и деградации человека. Имманентная логика разворачивающихся процессов в культуре неумолимо приводит человека к одиночеству. Безусловно, ни в коем случае нельзя отрицать и положительного влияния процессов, ведущих к разрушению традиционных основ культурной сферы и к ее обновлению, развитию самой культуры и к ее перекодировке.

Значительное влияние на проявление одиночества в обществе оказывает культурная интервенция и аккультурация. В контексте данной проблемы первая представля-

ет собой проникновение культурных ценностей одной социальной системы в другую с целью подавления ее суверенности и разрушения ее духовной целостности, вторая – целенаправленное заимствование и освоение чужих культурных ценностей. Налицо опыт России и других стран, пытающихся в эру глобализации сохранить и отстаивать свою культурную автономию: эти страны подвержены «заражению» ценностями англосаксонской цивилизации. Культурные диффузионные переносы посредством средств массовой информации и сети Интернет, литературы, кино проникают из одного социокультурного пространства в другие, подгоняя их всех под один американский стандарт, создавая тем самым единое социокультурное пространство с доминирующими ценностями и смыслами США. Вследствие этого американские ценностно-смысловые образы, навязанные и адаптированные в российском социокультурном пространстве, практически полностью ассимилировав ценностные представления и установки российской ментальности, выместили их на периферию, став безразмерно главенствующими.

Такие исконно русские ценностно-смысловые образы и установки, как общинность, соборность, неизбывный социальный утопизм, заменились установками на индивидуализм, самозначимость и цельность «Я», граничащими с одиночеством. В западноевропейской культуре утвердился стереотип, что одиночество – необходимый механизм для становления «самости» человека. «Одиночество в западной культуре рассматривается как обязательное условие становления личности, а формы и способы его переживания – психологический механизм обособления, порождающий обратную обостренную потребность в человеческом тепле, выражающуюся в поиске любимого человека, друга, контактов, общения с людьми. Это – типичная для американского общественного сознания позиция» [Шанивалиева, 2013, 93]. Подобные ценностные западноевропейские установки сегодня становятся преобладающими в российской культурной действительности, как, в принципе, и во всем мире. Симбиотические культурные формы остаются в стороне, американские и западные ценности продавливают, разрушают и замещают исконно русские ценности, которые не находят своих оснований в современных социально-экономических и социально-политических условиях.

Проявлению одиночества в обществе также способствует прерывность в процессе культурной трансмиссии, т.е. невозможность обеспечить ценностно-смысловую преемственность поколений и выстроить социально-культурные связи, которые бы обеспечивали интеграцию новых поколений в единый и цельный социокультурный организм. Соответствующие ценностно-смысловые разрывы между поколениями выражаются во внутр поколенных и межпоколенных конфликтах, которые могут быть вызваны к жизни разного рода социально-культурными причинами: общественной перестройкой, культурной перенастройкой, культурным конфликтом, введением инноваций в социальной и культурной сферах, влиянием чужой культуры.

Вследствие этих процессов образуется взаимное непонимание, утрата общих ценностно-смысловых оснований, обеспечивающих единство языка и поведенческих норм в социальном взаимодействии между группами, затруднение в передачи социального и культурного опыта, а также социальное напряжение и социальная непредсказуемость. Кроме всего прочего, все это приводит на микроуровне к духовному отторжению, к полному или неполному одиночеству одного из членов семьи, а то и нескольких сразу (детей, родителей), а на макроуровне – к духовным патологиям или духовным кризисам целых поколения или социальных групп. Одиночество не дает возможности человеку полноценно удовлетворять свои духовные и социальные потребности, интерес в их удовлетворении, в зависимости от типа переживаемого одиночества, постепенно частично «снимается» или отпадает полностью.

Заключение

Таким образом, развитие культуры, сопряженное с социальными процессами, в значительной степени обуславливает одиночество как форму разрушения человека в его духовно-личностной целостности и тип его проявления в обществе, особенно в фазах кризиса и перестройки. По сути, одиночество предстает как один из возможных способов разрешения противоречий социальной системой, который приводит к «выбросу» человека из границ ценностно-смыслового пространства, которое разрушается, перестраивается или его границы «сжимаются» вследствие культурной динамики до такой степени, что перестают быть жизнеобеспечивающей ценностно-смысловой средой для личности.

Библиография

1. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. М: Логос, 2005. 192 с.
2. Мазенкова А.А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2009. 28 с.
3. Мухамеджанова Н.М. Теория модернизации в контексте синергетической парадигмы // Вестник ОГУ. 2005. № 7. С. 62-68.
4. Петров С.И. Детерминанты культурных процессов в обществе // Вестник КрасГу. 2011. № 1. С. 196-196.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Яковлева А.А. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
6. Шагивалеева Г.Р. Культурологическое и психологическое понимание феномена одиночества // Концепт. 2013. № 1. С. 92-102.
7. Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 419-508.

Cultural determination of solitude

Maksim N. Lyashchenko

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of philosophy of science and sociology,
Orenburg State University,
460000, 33 Pobedy av., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: megamax82@rambler.ru

Abstract

The relevance of the problem discussed in this article is determined by the insufficient development of cultural determination of the phenomenon of loneliness from the socio-philosophical position. The purpose of the article is to define the concepts "culture" and to analyze its specific impact on the manifestation of loneliness in society. This study is based on the author's typology of loneliness (complete and incomplete) and synthetic approach, that organically combines the axiological, dialectic and synergetic paradigms. The author argues that cultural determination of loneliness are interrelated and supplemented by his social determination; the development of a culture determines of the loneliness, and cultural processes (cultural crises, discontinuities in cultural transmission, cultural diffusion and acculturation, conflicts of generations, and cultural intervention) determine the frequency and size of manifestations of loneliness in society. The development of culture, paired with social processes, causes a solitude as a form of destruction of man in his spiritual-personal integrity and the type of its manifestation in society, especially in phases of crisis and restructuring. In fact, loneliness is presented as one of the possible ways of resolving contradictions by the social system that leads to "release" a person from the boundaries of value-semantic space, that are destroyed or his borders shrink as a result of cultural dynamics to such an extent that they cease to be life-sustaining value-semantic environment for the individual.

For citation

Lyashchenko M.N. (2017) Kul'turnaya determinatsiya odinochestva [Cultural determination of solitude]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 87-95.

Keywords

Loneliness, cultural determination, culture, value-semantic space, cultural dynamics and cultural conservatism.

References

1. Baryshkov V.P. (2005) *Aksiologiya lichnostnogo bytiya* [Axiology of personal being]. Moscow: Logos Publ.
2. Mazenkova A.A. (2009) *Kul'turnoe nasledie kak samoorganizuyushchayasya Sistema. Dokt. Diss. Abstract* [Cultural heritage as a self-organizing system. Doct. Diss. Abstract]. Tyumen'.
3. Mukhamedzhanova N.M. (2005) Teoriya modernizatsii v kontekste sinergetiche-skoi paradigmy [The theory of Modernization in the context of synergetic paradigm]. *Vestnik OGU* [Bulletin of Orenburg State University], 7, pp. 62-68.
4. Petrov S.I. (2011) Determinanty kul'turnykh protsessov v obshchestve [Cultural process determinants in society]. *Vestnik KrasGau* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University], 1, pp. 196-196.
5. Sartr Zh.-P. (1989) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. In: Yakovleva A.A. *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.
6. Shagivaleeva G.R. (2013) Kul'turologicheskoe i psikhologicheskoe ponimanie fenomena odinochestva [Cultural and psychological understanding of the phenomenon of loneliness are considered]. *Kontsept* [Concept], 1, pp. 92-102.
7. Yaspers K. (1994) Filosofskaya vera [The philosophical faith]. In: *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Respublika Publ., pp. 419-508.